

ДЖАФАР ДЖАБАРЛЫ (СТОИТ ВТОРОЙ СЛЕВА) СРЕДИ ДРУЗЕЙ — РАБОТНИКОВ ТЕАТРА.

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

ОНИ БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ...

Из истории азербайджанского театра

ЭТО доказывает и та фотография, которая и сегодня висит в комнате, где занимался и работал талантливейший актер и режиссер профессор Александр Александрович Туганов.

По приглашению Наркомпроса Азербайджана А. А. Туганов в 1924 году приехал в Баку и начал работать в Азербайджанском театре. Одновременно стал педагогом в недавно организованном театральном техникуме. Здесь судьба свела его с Джафаром Джабарлы.

Туганов так описывает первое знакомство с Джафаром Джабарлы в своих рукописных воспоминаниях:

«На заре туманной юности, когда я только что окончил учебу в Московской практической академии и верхом выехал в путешествие из Москвы в Крым, мне посчастливилось быть в гостях у Льва Николаевича Толстого. Я был принят в Ясной Поляне величайшим человеком своего времени. Сила и обаяние этой памятной встречи были так сильны, что на всю жизнь запечатлелся образ Льва Николаевича, которого я видел перед собой. Его могучую фигуру с нависшими бровями над серыми стальными глазами, которые смотрят не на тебя, а в тебя, и видят человека навзось. И вот мне хочется сказать о другой встрече, произведшей

на меня громадное впечатление и также на всю жизнь. Это встреча с Джафаром Джабарлы. Весьма оригинально и интуитивно произошло мое знакомство с Джафаром. На одном из первых моих уроков, я увидел громадные черные глаза, которые пристально на меня смотрели, интересуясь и вместе с тем вопрошая, как будто желая, как губка, впитать в себя все услышанное. Это повторялось на нескольких уроках, и я уже как-то привык и этому и обращался к этим черным глазам, я искал их. Оказалось, что это был Джафар Джабарлы, который поступил в техникум, желая пройти сценический курс мастерства антера».

Постепенно, все больше встречаясь, Туганов и Дж. Джабарлы становятся друзьями.

«Он становился для меня все интереснее, и мое отношение к нему постепенно перешло в чувство большой дружбы, которое я храню, как лучшее воспоминание о моей работе в Азербайджане, в которой, все, что было потом, всегда связано с дорогим, незабвенным другом Джафаром», — пишет А. Туганов.

Время требовало режиссерских кадров в Азербайджане, и Джафар решил стать режиссером.

«Существовало твердое убеждение в том, что ему это удастся и поведет к большому процветанию азербайджанского театра, который рос и раз-

вивался с каждой постановкой», — добавляет А. Туганов.

Большая заслуга Александра Александровича в том, что Джафар стал режиссером. После работы Джабарлы приходил к нему домой. Александр Александрович занимался с ним. Иногда они долго спорили (Джафар любил спорить и находить истину), разбирали постановку, вместе готовились к будущим спектаклям. Евгения Артемовна (жена Туганова) вспоминает:

«Засиживаясь за разговорами, он (Джафар) не замечал времени. У него всегда находилось много тем, и беседа заходила далеко за полночь, а потом, вдруг спохватившись, он вскакивал и бежал скорее домой».

Чтобы стать режиссером, Джафар Джабарлы сам все изучал, часто поднимался в комнату художника. Его можно было видеть в костюмерной за выбором костюмов по эскизам и в режиссерской, в бутафорской и в осветительном цехе. Быстро постиг он сценическую премудрость для того, чтобы, как говорил Джафар, «не смотреть из чужих рук. Я должен вести свой корабль сам, не полагаясь ни на кого».

Дружба еще крепче связала Джафара с Тугановым после

постановки «Невесты огня». Самой сильной сценой «Невесты огня» была сцена встречи двух братьев — Эльхана и Агшина. Туганов и Джабарлы очень боялись, что аплодисменты могут раздаться после азана (молитвы), исполняемого за сценой, после восхваления бога Агшиком. На эту сцену было направлено все внимание.

«Велина была наша радость, когда зал дрогнул от аплодисментов в том эпизоде, когда новое властно побеждало старое. Победа была на нашей

стороне», — пишет Александр Александрович.

4 февраля 1931 года последовал приказ театра: «С 20 февраля приступить к постановке пьесы Дж. Джабарлы «Алмаз». Режиссерская работа поручается А. Туганову и Дж. Джабарлы. Надлежит к указанному сроку подготовить все материалы и приступить к работе».

Тринадцатого апреля состоялась премьера «Алмаз», прошедшая с громадным успехом. Здесь многое зависело от самого Джафара. Но он умел «зажечь» актеров. Зал просил режиссера.

«Тогда, — пишет Александр Александрович, — прямо силой тащили его на публику, которая требовала автора».

Как Джафар относился к своим обязанностям видно из его письма, написанного в 1932 году. Оно еще раз доказывает самую близкую дружбу талантливых мастеров сцены и слова:

«Дорогой Александр Александрович! Напрасно вы меня обвиняете в небыхицах. Удивляюсь, как Вы, знающий меня больше всех, могли обижаться на меня за то, что я мало пишу. Лень ли это? Неспособность ли к письменности? Или просто дурная привычка? Не знаю. А вам, против своей природы, писал. Но, по-видимому, не дошло. Стыдно, конечно! Вы слишком

дороги мне, чтобы отделаться двумя письмами. Вinovаты Вы сами. Запрягли Вы меня в тяжелую повозку. Я работал спойно, а поручили Вы мне такую-то режиссерскую работу. Даешь актрисе роль, а в это время она говорит: «Я не хочу. Здесь «целуются». Но я выдержал большой экзамен. Мне удалось больше подчинить всех интересам производства. Страх ли это перед беспощадностью борьбы за трудовую дисциплину, плановость и производительность труда, или энтузиазм — судите сами. Только факт, что при распределении ролей никто из антеров не промолвил ни единого слова и все работает аккуратно. Я сам сильно перегружен, чувствую нужду в

Вас. Я сильно похудел. Болел на днях. Но лень не было времени. Ответственность — вещь тяжелая, не страх перед немилостью, а ответственность перед самим собой, перед своим долгом. Надеюсь в жизни еще раз встретиться с Вами и, может быть, сноро. Чувства мои к Вам все такие, как были. Сильно скучаю по Вас и чувствую нужду в Вас для процветания нашего театра.

Целую и обнимаю.
Джафар Джабарлы,
1932, 20/1».

В то же время Туганов получает письмо от жены Дж. Джабарлы — Соны ханум. Она пишет:

«Живем ничего, дети растут, а о Джафаре даже говорить нечего. В последнее время я хочу подать заявление о том, чтобы Джафару дали два часа времени для того, чтобы ему разрешили постелить постель в театре».

Наступил 1934 год. Джафар Джабарлы был уже крупным советским писателем. Туганову стало известно, что Джафар будет в Москве на съезде советских писателей и он приехал в Москву (тогда он жил и работал в Грозном). Очень хорошо описывает Александр Александрович свою встречу с Джафаром в Москве:

Издали я увидел Джафара за столом президиума съезда. Как он изменился! Каким он стал значительным, полным достоинства. Я увидел нового Джафара, уме выступающего на съезде и включенного в президиум Союза советских писателей».

Это была последняя встреча Туганова с Дж. Джабарлы. Потом между ними произошла беседа по телефону, которую следующим образом описывает Александр Александрович. «Я был один в пустом номере. Вещи были отправлены на вокзал.

Вдруг раздался телефонный звонок. Поднимаю трубку — Джафар. Последний раз я услышал его голос. «Ты мне нужен!» — «Хорошо я приеду», — ответил я. Это было согласие о приезде в Вану. Мог ли я тогда думать, давая слово Джафару, что я буду работать у него в театре, что мне больше не придется его увидеть? Да, не пришлось больше увидеть, и осталась только память об этом светлом, прекрасном человеке, друге и драматурге. Он один из тех, кто вложил много сил и энергии в культурное строительство Азербайджана».

«Джафар жил так, — как писал, и писал так, как жил», — этими словами заканчивает свои воспоминания Александр Александрович.

Муртуз МАМЕДОВ,
дассертант Института языков и литературы им. Н.Зами.

— 2 НОЯ 1966
(Вечерний выпуск)
БАНУ
Г. Бану